

На погост не торопись...

➤ Как в хорошей книге, жили они счастливо и умерли в один день

СТАРИК лежал на просторной кровати, обложенный подушками, нос заострился, щеки спали, одни глаза зорко следили за бабкой.

Она вторую ночь около него дежурила. Он подавил в себе кашель, боясь потревожить старуху, которая прикорнула рядом на кушетке. Но бабка даже во сне учуяла его взгляд. Встрепенулась.

– Спирия, тебе что: отвару дать или молочка парного? Маруся, соседка, с вечерней дойки принесла.

– Ты, Марфуша, начинай подушки шить, а то потом не успеешь.

– Каки-таки подушки? Слава богу, не совсем бедные, ты весь у меня в подушках, в чистой горнице и лампада горит, еще с Пасхи не потушили. Дети выросли, поразъехались из деревни, все в люди вышли. Людмила учителствует в Локомотивном, Иван – инженер на заводе, в городе.

– Ты же мне мою биографию рассказываешь. Я ей о вечном, она – о житейском. Коробочку-то открой, медали, ордена сосчитай, не забудь «Ворошиловского стрелка». Чтоб все как у людей, честь по чести. Духовой оркестр, медали, место хорошее присмотри...

– Ты, старый, совсем сбрендил. Вон доктор говорит: «Захочешь жить – будешь, не захочешь – помрешь». Ты гони эту мысль от себя!

– Дура-баба, ну кто жить-то хочет? Все бы твоего доктора слушали и не помирали, так что ли? Однажды живем! Дай лучше напоследок водки пригубить. Там у меня на черный день приготовлено. Может, кровь разгонит и полегчает. В шкафчике заначка стоит. Раньше-то я, как Манька твоя, думал, что молоко сладкое, пока водки не попробовал.

Старуха кинулась к шкафчику, делая вид, что не знает, где дедова заначка.

– Ну, вот, еле нашла. Сколь налить-то? А чем закусывать будешь, огурцом соленым? Так больным нельзя!

– Больным нельзя, а помирающим можно! Помнишь, как сват у нас говорил, царство ему небесное: «Намедни напился, влюбился,

женился, к березе прислонился и дал дуба». Вот вся жисть наша... Нас еще учил: что ни делается, все к лучшему, а самому кирпич на голову упал. Всей бригадой хоронили. К лучшему...

Старик приободрился, перекрестился на иконостас, выдохнул с хрипом и опрокинул стопку привычным движением, достал из банки огурец, нарочито шумно хрустнул, смахнул губу и бороду, сказал, что-то про кола и сокола, быстро налил вторую и без всякого тоста, только для удовлетворения, осторожно процедил. Теперь закусывать не стал, а только вытерся рукавом холщевой рубашки и как бы занюхал, соблюдая ритуал. Бабка смотрела на него и качала головой, охала, причитала и не знала: радоваться переменам или ждать худшего. Глаза у старика заблестели, щеки порозовели и ноги

стынуть перестали. Через пять минут он был весь из себя, как кружка с пивом.

– Ты, старуха, не печалься. «Эх, пить будем да гулять будем, а смерть придет – помирать будем!» Дай гармошку, я молодость вспомню!

Марфуша все еще с замиранием сердца следила за переменами в муже, она знала, что многим легче перед смертью, но послушаться хозяйки не смела. Сдула пыль с трехрядки, поддаваясь его настроению, попросила: «А ты сыграй, Спирия, сыграй. Помнишь, как мы молодые игрались?»

Дед улыбнулся, прошелся пальцами по пуговкам, погладил меха, приложил ухо к гармошке и тихо начал любимую песню Марфушки: «У церкви стояла карета...» Марфа бросила на него ласковый взгляд и все еще звонким и чистым голосом рассказала о судьбе не-

счастливой девушки. За этой песней стояла их судьба, веселая свадьба до войны, «синий платочек» и «в печурке огонь» – во время войны и «молодой хозяйкой, прямо в новый дом» – на целине. Все эти песни они прожили со Спиридоном сложным дуэтом. Никто ни разу не сфальшивил. Жили просто и открыто. На деревне их уважали, а Спиридоном избирали председателем колхоза.

Бывший разведчик поднял колхоз после войны, вывел в передовые. Потом дети родились, хозяйством обзавелись. И вот пролетела вся жизнь в крестьянских заботах. Некогда было оглянуться. Только сейчас, на краю ее, они прокручивали все в памяти, как старую пластинку, каждый думал о своем и о житье в целом. Дед тряхнул головой, как бы отбрасывая воспоминания, растянул меха и начал частушки:

*Ты зачем на сеновале
Сено сильно ворочил,
Непорочную меня опорочил?*

*На горе растет ольха,
Под горою вишня,
Я любил тебя слегка,
Кабы же не вышло!*

Как неожиданно дед начал частушки, так и кончил. Решительно оставил гармонь в сторону, настроился на серьезный лад.

– Ты вот, Марфуша, мое завещание не записывай, глаза-то слабые стали, а детям и кому следовало, так и передай на словах, мол, это последний наказ покойного.

Старуха начала всхлипать.

– Не нычь и внимательно слушай и сполняй. Перво-наперво детям порось зарезать. Могилку, скажи, чтоб шире делали, оградку, звезду, как положено. Я там тебя дожидаться буду, а то на этом свете без меня, заположного, тоскливо будет...

– Марфуша, ты прости меня, если я тебя ненароком обидел или слово какое не то сказал...

– Теперь нас бог простит, Спирия, а ты меня.

Она положила ему на грудь седую голову, а руками гладила вдоль по туловищу, приговаривая:

– Ты не бойся, одного тебя не оставлю, с тобой пойду.

По утру зашла Маруся. С порога известила:

– Я вам молочка парного принесла. Как там деда Спирия?

Увидев спящих деда с бабкой, осеклась, хотела уйти, но что-то толкнуло ее вперед. Со спокойными лицами, в любви и согласии они тихо отошли в мир иной, пропев свою «лебединую песню». Как в хорошей книге, жили они счастливо и умерли в один день.

Завещание Спиридоном озвучено не было, но похоронили их на погосте с почестями и уважением. Не было человека в деревне, кто бы вспомнил ветеранов плохим словом.

**АЛЕКСЕЙ МЕШИН
КОЛЛАЖ > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА**

Не было человека в деревне, кто бы вспомнил ветеранов плохим словом

➤ РАЗМЫШЛИЗМЫ Не опоздайте жить!

Хорошее настроение – улыбка счастья.

Пессимист – это выдохшийся оптимист

Он был надежно безнадёжным.

Смотря перед кем ставить вопрос ребром.
Могут обломать ребра.

Куда бы вы ни опаздывали, главное – не опоздайте жить.

Хорошо там, где нас нет.
А там, откуда вы уедете, тоже станет хорошо.

Смех – дело добровольное.

Одиночество таланту не грозит. У него есть сестра – краткость.

Иная улыбка безразмерна в переносном смысле.

Иных умалчивают громко.

ЛЕОНИД ЧЕРНЫШОВ

Почему слезы горячие?

➤ Каждый миг кто-то пытается вернуть утраченное

ИЗДАВНА так повелось, что звезды горят только ночью. Горят, мерцают, прячутся за облаками, а к утру неизбежно гаснут... По инерции. Так должно быть. Еще никому в мире не удалось остановить мерцание и естественную, «ночную» жизнь маленьких планет.

В мире, наверное, ничто не проживает свой век так быстро, как слеза, снег и свеча... Ночь, звезды, свеча, снег, слеза – целый калейдоскоп незримых впечатлений и непередаваемых чувств, возникающих при появлении этих многомерных образов...

*Воск растоплен в ночи,
только мне бы
Сквозь томленья
бездонных минут*

Вдруг объять

*необъятное небо
И свободу былую вернуть...*

Каждый миг кто-то пытается объять необъятное, вернуть утраченное, вспомнить забытое... Своеобразная трилогия души, написанная сердцем. Некая попытка охладить горячее сердце далекой мечтой о туманном небосводе, усыпанном далекими звездами, о бесконечно падающем в ночи снеге, ласкающем взгляд...

Только что может быть больнее, чем прикоснуться маленьким кусочком льда к томлящемуся от пустоты беспомощному сердцу? Тишина? Раскат грома, прошедший незаметно сквозь распахнутое для мира лето? Утренняя лазурь на холодной речной равнине, ищущей «мировой океан», который, в свою очередь, всего лишь душа? Если это все в совокупности и есть лед огромного, нарисованного солнцем неба, то что

может быть прекрасней наивного блеска свечи, озаряющей своим тусклым светом целый мир одного-единственного твоего сердца! Только неброский, мерцающий, словно звезды в объятиях бесконечной ночи, блеск слез, которые никогда не бывают холодными. Они могут быть искренними, прозрачными, небрежными... Но холодными слезы не будут никогда.

...Рассвет, мечта, слеза, река, жизнь. Все это может легко раствориться в одном широком и открытом потоке под созвездием Вечность. А за вечностью скрывается не менее прекрасное – свет возрожденной души...

Кто-то известный однажды сказал, что тьма как жизненного понятия вообще не существует. Тьма – это отсутствие света. И так постоянно из года в год, из века в век, из часа в час мир меняет привычное небесное очертание,

терпеливо ждет наступления «светлой» ночи в сочетании тускло мерцающих звезд...

Вместе с горячей свечой на фоне белого снега разделяет этот ночной покой, уносящий в небрежную даль, огонек надежды, хранящий минутную слабость бездонных глаз людской души.

Но кто же скажет, что именно так будет всегда, что никогда эти минуты не закончатся, что никогда не сотрется грань наших вечных миров, где порой ночь влетает в утро, а утро – та самая грань сумерек...

Слезы... Горячие капли уснувшей души, распятие звездной полночи, стремящейся к небу... Долгая музыка, хранящая в своей материи печально-глубинную суть. И лишь звезды знают, почему слезы никогда не бывают холодными...
НАТАЛЬЯ КАРПИЧЕВА

➤ За вечностью скрывается не менее прекрасное – свет возрожденной души